

Иван АЛЕКСЕЕВ

ДРУЖИНА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Книга 1

ЗАМОРСКИЙ РУБЕЖ

МУЖСКОЙ
КЛУБ

«КРЫЛОВ»

Дружина особого назначения

Иван Алексеев

Заморский рубеж

«Крылов»

2005

Алексеев И.

Заморский рубеж / И. Алексеев — «Крылов», 2005 — (Дружина
особого назначения)

По указу великого князя Александра Невского в поморских лесах создан тайный воинский стан. В нем, по примеру древней Спарты, воспитываются воины, способные в одиночку противостоять многочисленным врагам. Молодые дружинники, пройдя сложные испытания, отправляются в заморские страны, чтобы перенять боевой опыт и вернуться на Русь готовыми к встрече с любым противником...

Иван Алексеев

Заморский рубеж

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Рукояти штурвала были теплыми и гладкими, но его пальцы задеревенели от непрерывного напряжения, и ему казалось, что он держится за раскаленные железные прутья, покрытые острыми зубринами. «Принцесса» плохо слушалась руля, один грот и два кливера – это насмешка над боевым фрегатом. Эх, поднять бы сейчас все паруса да помчаться-полететь к точке randevu, как на крыльях. Но поднимать паруса было некому.

Океан ленив, спокоен и пустынен. Бесконечность, безысходность, жара и жажда. Самое страшное – это жажда. Вдобавок саднит неглубокий, но длинный порез на левом плече. Все-таки он пропустил выпад шпагой или алебардой во время той отчаянно лихой контратаки на юте, когда кирасиры железной стеной двинули на них вверх по трапу. Он едва успел спустить курок пистоли. Спасибо тому лорду, хозяину замка (как, кстати, его звали?), в котором проводились состязания по стрельбе: не поскупился, готовя главный приз – дорогущую пистоль новейшей системы. Пистоль была убойной и надежной.

Как хочется пить! Где же вы, прозрачные реки с кристально чистой водой, бескрайние озера Русского Севера? Увидит ли он их вновь? Доведется ли ему постучаться в ворота монастыря, укрытого в глухой чащобе векового леса, и задать монахам-летописцам, ведающим родословными книгами, тот единственный, но жизненно важный для него вопрос? А сейчас он вновь и вновь спрашивал сам себя совсем о другом и не находил ответа. Зачем он здесь, посреди враждебного океана? Когда все это кончится? И как все это началось?

Пролог

– Ну и где же Савва? Что ж его, в Волхов смыло? С вечерней зорьки своего ближнего дружинника дожидаясь! Али его наказать за нерадивость, али вас за нерасторопность?

Отрок в светло-сером кафтане, простом и удобном, стоял возле отворенной двери в горницу, претерпевал княжий гнев, склонив голову почтительно, но без подобострастия, как и подобает воину.

– Во все ли концы города гонцы разосланы?

– Во все концы, великий князь, – уже в который раз за сегодняшний вечер ответил на сей вопрос отрок, потом не удержался и добавил то, что давно вертелось на языке: – И даже во все начала!

– Что?! Шутить со мной вздумал! А ну, выйди вон, пока цел!

Князь пристукнул кулаком по массивной дубовой столешнице. Немалый серебряный ковш с медовым взваром подпрыгнул, зазвенел жалобно.

Отрок без особой поспешности, четко, по-военному, развернулся, вышел, неслышно притворив за собой дверь в горницу. Он, как и все дружинники, прекрасно знал, что великий князь Александр Ярославович, прозванный в народе Невским, ценит в своих людях не тре-

пет и подобострастие, а смелость и сметливость, любит острое словцо. Вестимо, что робкий с начальством и перед противником оробеет, а удалец бесстрашный и в бой с улыбкой пойдет.

Александр отодвинулся от стола, прилег было на широкой удобной скамье с бархатной обивкой, но потом сел, сцепил руки за головой, откинулся к стене. Маленькая уютная горница княжеского терема едва освещалась лампадой под образами. В слюдяном окошке сгустился холодный сумрак ненастной октябрьской ночи, в частый оконный переплет стучали то ли капли дождя, то ли гонимые порывами ветра последние желтые листья.

Князь уже принял решение, и не в его привычке было откладывать исполнение задуманного. Сразу же после вечерней трапезы он велел позвать к себе верного соратника и давнего друга – Савву, чтобы дать ему важное и трудное поручение. Но Савва как сквозь землю провалился. Хотя замысел князя касался не сиюминутной надобности, а был направлен на многолетнюю перспективу и потому не требовал таких уж немедленных действий, Александр проявлял легкое нетерпение: ему хотелось произнести вслух, проверить на достойном собеседнике давно лелеемые в тайне от всех, а сегодня окончательно созревшие идеи. И сейчас, пока Савву выцарапывали из какого-то весьма укромного, а посему наверняка весьма приятного уголка, князь еще и еще раз обдумывал основные пункты и предпосылки своего грандиозного проекта (а может быть, всего лишь пустого мечтания?), который он с минуты на минуту должен будет облечь в форму приказа.

Александр с грустью и горечью вспоминал о том, как еще с десятков лет назад многие думали, что для Руси наступил золотой век. Несмотря на извечные, проистекающие между многочисленными князьями свары, которые представлялись неизбежными, и посему неизбежными, как холод зимой и жара летом, русские земли процветали и благоденствовали. Набеги вороватых соседей отражались стремительно и твердо. Ни внутренние раздоры, ни внешние войны не препятствовали развитию торговли, объединявшей людей не только в самом государстве, но и во всем мире, способствовавшей прогрессу ремесел, земледелия, наук и искусств. Важнейшие торговые пути из варяг в греки пролегали по русским землям. Крупнейший в истории человечества международный торговый союз, известный под именем Ганзы, господствуя на двух морях, был столь силен и богат, что мог диктовать законы народам и монархам. А главная контора Ганзы располагалась в Новгороде! И купцы, и монахи, паломники к святым местам, путешествуя по всему миру, постигали науки, причем не только географические. Расцветали искусства: наряду с мастерами греческими первый российский живописец, монах киево-печерский Алимпий, писал иконы для множества церквей, устные сказания баянов перекладывались в книги, читавшиеся не только в монастырях, но и в теремах княжеских, и в богатых домах купеческих, «Слово о полку Игореве» наполняло гордостью сердца и возвышало души образованных современников. Росли и богатели города, множились села.

Золотой век кончился внезапно и страшно. Орды неведомого кочевого народа, налетевшего из юго-восточных степей и пустынь, прошли огнем и мечом сквозь русские земли. Едва десятая часть населения уцелела на пепелищах разграбленных городов и сел. Хотя земли новгородские волею Божьей сия беда миновала, северные и западные соседи, ранее из простого расчета предпочитавшие войне торговлю, вдруг увидели, что путь товаров из варяг в греки прерван, прежних бескровных выгод и прибылей из угнетенной Руси уже не извлечь, но ее, ослабленную, вполне можно начать грабить практически безнаказанно. Конечно, Александр изрядно отбил охоту у благородных рыцарей к набегам на Русь, но теперь, став великим князем вначале Киевским, затем Владимирским, не отводя руки своей и от любимого Новгорода, он был в ответе за всю землю русскую, и северную, и южную.

Внизу, под оконцами терема, в небольшом дворе, хотя и именовавшимся княжеским, но принадлежавшем Господину Великому Новгороду, послышался топот копыт, замелькали факелы, раздались громкие веселые, чуть хмельные голоса. По-видимому, это вернулись отряженные за Саввой гонцы, наконец-то достигшие успеха в исполнении своего нелегкого пору-

чения. Действительно, вскоре дверь в горницу распахнулась, и пред светлые очи великого князя предстал богатырского сложения дружинник, бодрый и подвижный, несмотря на свои уже немолодые годы. Его нарядный, богато расшитый золотом кафтан, привнесенный им в небольшую горницу дразнящий аромат фряжских вин и каких-то восточных благовоний свидетельствовали, что сей славный муж был обнаружен гонцами отнюдь не на учебном ристалище и не в церкви на вечерней молитве.

– Прости, князь, – чуть ворчливо, с легкой обидой в голосе произнес Савва. – Вроде бы ни войны, ни бунта: Только отдохнуть решил от вечных тягот службы, как тут отроки твои оголтелые вваливаются в самый неподходящий миг: И какой черт им меня отыскать-то помог?

– Ладно, Савва, не поминай нечистого всуе. Нужен ты мне по делу важному. Только тебе довериться могу. Садись к столу. Коли не доел, не допил, велю сейчас принести медов да закуски. Разговор у нас с тобой будет долгий и тайный.

– Ни мгновения для личной жизни, все – на алтарь отечества! – по-прежнему чуть капризно, с уверенностью старого друга, которому многое дозволено, отвечив Савва, усаживаясь напротив князя.

– Начну я разговор наш с самого главного, – медленно, с расстановкой, как бы рассуждая вслух, произнес Александр. – А главным, как ты сам наверняка понимаешь, у великого князя сейчас может быть лишь одно: как Русь от ордынского ига избавить.

При этих словах князя Савва мгновенно посерьезнел, напрягся, лицо его утратило выражение благодушия и веселого лукавства. Сейчас он даже в роскошном купеческом одеянии стал походить на грозного умелого воина, прошедшего через десятки кровавых битв и труднейших походов, кем, собственно, и был на самом деле.

– Хвала Господу, что довелось мне наконец услышать от тебя слова эти, Александр Ярославович, – сказал он хриплым, чуть дрогнувшим от волнения голосом. – А то уж болтают кругом невесть что. Мол, когда ты в Орду ездил, за ярлыком на великое княжество, опоили тебя колдуны ханские, волю да доблесть отняли, подчинили на веки вечные: Ведь били мы с тобой и шведов на Неве, и немцев на Чудском озере. Пора уж и ханам мечей наших отведать! – Последние слова он почти выкрикнул, сжав кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

– Сия болтовня досужая о том, что я душой и телом Орде принадлежу да Русь за ярлык великокняжеский продал, мне ведома, – спокойно ответил князь. – Только забывают клеветники мои почему-то, что за покорность мою мнимую земли русские вот уж сколько лет от набегов ордынских избавлены! И ни разу дружина русская в походах ханских не участвовала. А ведь ханы от всех народов покоренных вспомогательного войска требуют, и те за порабителей своих еще и головы кладут, другие страны разоряя во славу ханской алчности да ненасытности. А ежели клеветники эти, меня в предательстве ханам укоряющие, такие смелые да отважные, что ж они сами против Орды не выступают? Да только с кем: во всей Руси, кроме земель новгородских, лишь один из десяти в живых остался:

Савва вскочил со скамьи, вытянулся по-военному:

– Прости, великий князь, ежели что худое про тебя сказал али подумал! Душа ведь болит за тебя да за Русь-матушку!

Князь также поднялся со своего места, ласково положил руку Савве на плечо:

– Ничего, друг, привык я уже к упрекам этим, прямым или подспудным. Может, это и к лучшему, если даже мои соратники ближайшие в моей преданности Руси да ненависти к ханам сомневаются. Значит, уж в Орде-то мне тем более поверят. Так что садись поудобнее да слушай далее. И возражай, коль с чем не согласен будешь: не похвалы мне твои нужны, а замечания дельные.

Александр прошелся по тесной горнице, встал возле оконца, помолчал, затем вновь заговорил, обращаясь к своему верному дружиннику, сидящему сейчас перед ним, а может быть – и ко всем людям русским, мечтавшим сбросить ордынское иго:

– Я, как человек государственный и военный, не болтать привык, а действовать. И вопрос передо мной стоит не о том, избавлять Русь от ига или не избавлять, а о том, как это сделать, где, когда и какими силами. Сам знаешь, один лишь порыв героический для сокрушения рати противника недостаточен, да и мало одну рать истребить, надобно еще всю войну выиграть! Самое главное – с чего начать и чем закончить приготовления к решительным битвам следует. Понятно, что войско собрать необходимо. Но какое войско? Какой численности, с каким вооружением? Из кого? На какие средства? Ведь недавно совсем дружины русские, полнокровные и всем обеспеченные, выходили навстречу ханским полчищам, но были разгромлены. И выходит, что сейчас, на Руси разграбленной и обезлюдевшей, мы должны собрать войско намного лучшее: Так чем же дружины прежние были плохи все-таки, почему погибли все как один, со славой, но без победы? – Александр вновь присел к столу напротив своего дружинника, взглянул на него вопросительно.

– Да нет же, князь, – ответил Савва слегка озадаченно. – Дружины наши были отменные. Знал я, как и ты, многих витязей и киевских, и владимирских, не говоря уж о рязанских да суздальских. Просто, по моему разумению, враг превзошел нас численностью. Ведь налетело их тьма-тьмущая, то есть сотни тысяч. А князья русские выступили порознь.

– Может быть, и правда это, что числом своим нас орды опрокинули. По крайней мере, все так и думают. Но ты же, Савва, как никто другой знаешь, что превосходство численное неприятельское мастерством воинским на нет сводится. Мы же отроков наших в дружинах один против пяти сражаться учим. И преуспевают многие. Шведов мы с тобой били малой дружиною, их и было раз в пять больше тогда. Так что многочисленность пятикратная еще дела не решает. Вспомни к тому же, что в крепостях, за стенами городскими, наши войска оборонялись. А при крепостном бое, знаешь ведь, каково соотношение сил обороняющихся и нападающих должно быть? То-то же: один к трем. Так вот и получается, что превосходство численное ордынское вовсе и не таким уж подавляющим было.

– А ведь прав ты, князь! – с удивлением отвечал Савва. – Я как-то об этом и не задумывался. Вроде бы и так все ясно было.

Он озадаченно почесал в затылке, но затем продолжил:

– Тогда другое объяснение следует. У ордынцев тактика боя и в поле, и при осаде более успешной и для нас неожиданной и непривычной оказалась!

– Молодец, Савва, – похвалил князь. – Слово немецкое правильно выучил и к месту произнес!

– Ну, так ведь небось не только лаптем щи хлебаем, искусство воинское и свое совершенствуем, и чужую науку изучать не чураемся! – с законной гордостью отвечал дружинник.

– Вижу, что правильно я именно тебя для предстоящего дела выбрал, – сказал Александр. – Ну, да об этом мы после поговорим: А насчет тактики ханской я с тобой согласен полностью. Очень искусно используют они в поле свою легкую конницу против наших дружин с тяжелым вооружением. Впрочем, для нас тут особой новости нет: мы ведь тоже клин немецких рыцарей на Чудском озере не в лоб, а маневром фланговым да вооружением более легким одолели. А вот с ордынцами пока справиться не можем. Стало быть, не все еще в их тактике нам ведомо, не можем пока ответ достойный найти.

– Может быть, не зря они непобедимыми себя мнят? – с явственным сомнением в голосе произнес Савва. – Говорят ведь в народе, что, мол, плетью обуха не перешибешь.

– Плетью обух перешибать не надо, плетью надо по глазам хлестать! – неожиданно резко, со злостью, ответил князь. Затем прежним спокойным и рассудительным тоном продолжил: – Да нет, Савва, и Орду можно бить. Вспомни-ка, как войско Батыево, которое за несколько дней и Рязань, и Владимир взяло, под крошечным Козельском семь недель топталось! Знал ведь я воеводу тамошнего, жаль, что не близко. Он не столько крепостью мышц и удалью бесшабашной славился, сколько вдумчивостью да начитанностью, знаниями обширными по исто-

рии воинской, древней и нынешней. Наверняка он какое-то важное и для врага неожиданное тактическое решение нашел, слабое место их разгадал и по нему бил искусно.

– Да, защитники Козельска своим мужеством и стойкостью во веки веков прославились! – сурово и торжественно произнес Савва.

– Так ведь владимирцам и рязанцам тоже мужества и решимости биться не на живот, а на смерть не занимать было! И рвы, и стены в этих городах, не в пример козельским, мощнее несравненно, и ратников у них было во сто крат больше. А теперь представь, что бы было, если бы большие города ту же тактику обороны, кою воевода козельский открыл, применили? Вообще бы ханам победы не видать! Знать бы, что же такое он придумал! – Князь произнес последние слова с отчаянием, пристукнул в досаде кулаком по столу. – Да спросить теперь не у кого: живым из города ни единый человек не вышел!

Савва только молча развел руками, кивнул согласно. Он в который раз восхитился острой мыслию Александра, видевшего с неожиданной стороны и объяснявшего более глубоко и точно те вещи и события, о которых, казалось бы, всем все было уже давно известно.

– В общем, понятно, что собирать нужно дружину особую и обучать ее разнообразным приемам боя, может быть, даже и тем, которые нам с тобой пока неведомы, – сделал вывод князь. – То есть и у восточных, и у западных народов учиться следует и выбирать потом все лучшее, для дела нашего главного наиболее подходящее. И упражняться таковая дружина должна постоянно, но вдали от глаз людских, ибо оружие новое и новый строй воинский страшны для врага своей внезапностью. И не только воины, сильные и ловкие, в такой дружине состоять должны, но и мужи ученые, и оружейники хитроумные, способные и чужой опыт по книгам да по рассказам по крупицам собрать и осмыслить, и свое изобрести: Полагаю я, что нужно в лесах наших северных, дремучих и непроходимых для чужих людей, основать потаенный стан, лагерь воинский, даже целый город, для всех закрытый, и в нем мечи ковать и войско закалять новое, доселе невиданное, для будущей победы над басурманами. Что скажешь на это, Савва?

– Замысел твой, князь, как всегда – грандиозный и доселе неслыханный, но я, честно говоря, не все в нем понимаю, да и, пожалуй, не со всем соглашусь, – озадаченно отвечал дружинник.

– Ну, насчет того, что доселе неслыханный – не так это. Целое государство известно в истории, правда маленькое, не чета нашему, в котором граждане исключительно постижением и совершенствованием науки воинской занимались, в горах от остального мира укрывшись. Вспомнил? Да, это Спарта древняя. И достижение их высшее и доселе непревзойденное всему миру известно: триста воинов спартанских сотысячное войско персидское в горном ущелье остановили: Да и в современности есть примеры городов-замков, куда посторонним наблюдателям вход заказан, население которых упражнениями воинскими занято, оружие да доспехи кует. Знаешь таковых? Правильно, это ордены рыцарские. Отряды их по всему миру рыскают, знают и умеют они многое. Не всегда успех, конечно, им сопутствует, но некоторые ордены посильнее десятка государств западных будут. Так что не придумал я ничего особо нового: А что касается твоего непонимания и несогласия – давай обсуждать, как и что лучше сделать надобно, ибо тебе хочу поручить я дело это: основание тайного стана воинского и особой дружины создание.

– Мне? – Савва даже слегка подскочил от неожиданности, затем взял себя в руки. – Ну, коли так, то у меня и вопросов, и возражений множество будет, если позволишь, конечно, их высказать, великий князь!

– Затем и позвал тебя: для беседы долгой и вдумчивой. Все обсудить и взвесить нам надо тщательно. Уж больно ответственность у нас велика, дело непростое замышлено.

– Тогда уж, не обессудь, Александр Ярославович, спорить с тобой буду яростно, как встарь на наших советах воинских, без оглядки на титул твой нынешний великокняжеский!

– Мне от тебя, Савва, того и надобно.

– И вели-ка ты принести медов да заедок, как обещал давеча, а то у меня от всего услышанного что-то в глотке пересохло! – почтительно, но твердо, с военной прямоотой, как бы подчеркивая равенство собеседников в предстоящем споре, произнес Савва.

– Вижу теперь, что в себя ты пришел окончательно! – усмехнулся князь.

– Сотник Савва к бою готов! – полушутливо-полусерьезно отрапортовал дружинник. Князь зычным голосом кликнул отроков, отдал необходимые распоряжения.

– Спарта, конечно, пример впечатляющий. – Савва отставил в сторону серебряную чарку с медовухой, из которой он сделал один-единственный вполне умеренный глоток, утер усы белоснежным рушником. – А вот ордены рыцарские, правда, для нас не указ: били мы их, и будем бить! Но все-таки, Александр Ярославович, не перемудрил ли ты с тайным станом воинским – закрытым лесным городом? Ладно, пусть почти что вся Русь разорена, ханскими баскаками наполнена, там действительно доброе войско не соберешь. Но в Новгороде-то, где мы сейчас с тобой находимся, никакой Орды и в помине не было. Отчего же здесь ты дружину создать, даже не создать, а уже существующую увеличить не хочешь?

– А ну-ка, вспомни, друже, сколько раз нас с тобой из этого самого Новгорода вече изгнало? Сколько раз горлопаны, краснобаи безответственные, толпу сограждан распаляли, на поступки вредоносные подталкивали? Да ладно бы, только князей да посадников по десять раз в году вече меняло. Они же еще и архиепископов выдворяют по малейшему навету злокозненному! И ты хочешь, чтобы я дело, для всей Руси важнейшее, отдал на волю вече площадного, на котором не тот царит, кто разумом и опытом богат, а тот, у кого голос зычный и язык длинный, привыкший молоть без устали?

– Да, действительно, тут я твою правоту, князь, признать вынужден, – развел руками Савва. – Хорошо, пускай в лесах дремучих, вдали от глаз людских, и своих и чужих, войско собирать надобно. Но почему бы просто не созвать остатки дружин княжеских, и тех, кто в прошедших битвах уцелел, и тех, кто в землях новгородских от столкновения с Ордой волей Божьей огражден был? Ведь истинно молвил ты: наши дружинники один с пятью биться могут, сызмальства на коня садятся, меч да копье из рук не выпускают! Может, и не надо ничего нового выдумывать, а дружины княжеские за пример взять?

– В том-то и дело, Савва, что дружины наши княжеские уже много лет из отрядов воинских в нечто иное превращаются. Вспомни-ка, что у основателя великого княжества Владимирского, князя Андрея Боголюбского, ближайшие сподвижники уже не дружиной, а двором себя именовали. Из дружинников княжеских назначаются правители в городки и деревеньки, ближние и дальние, чиновники придворные, смотрители за казной да за ремеслами и промыслами. И большинство дружинников, как только из отроков вырастают, совсем другое устремление в душе имеют, нежели к каждодневным упражнениям воинским и лишениям походным, а именно должность доходную, место видное от князя получить. Такие, как ты, Савва, все реже и реже среди дружинников встречаются. Иные вообще за деньги искусство свое воинское готовы кому угодно продать, как ландскнехты немецкие. Все равно им за кого и против кого биться. Да и само слово, обозначавшее ранее боевых соратников княжеских, бояр, уже совсем по-другому в народе воспринимается. Боярин – уже не воин, постоянно призванный земли свои в боях защищать, а управитель да наместник, вельможа придворный. Так что нужно нам новую дружину создать, или можно сказать – воссоздать, к примерам прежних витязей вернуться.

– Ладно, соглашусь и тут с тобой, князь. Ну, а где ты средства немалые на это дело великое возьмешь? И как людей собирать будешь? Ведь не всякий от своих городов и сел, даже разоренных, в тайный стан на времена долгие, может статься – на всю жизнь пойдут. В особенности те, на кого ты и рассчитываешь, то есть сыны своей земли верные, любовью к отчизне пылающие, могут посчитать такой уход свой от родных пепелищ, едва возрождаемых, за бегство, и по доброй воле не уйти. А силком людей на подвиг не направишь.

– Есть одно обстоятельство, Савва, о коем ни ты, ни кто другой пока не ведает. При поездке моей в Орду, из которой я вернулся только что, мне распоряжение ханское было дано: помочь баскакам ихним перепись всего населения российского провести, обложить данью каждого, от младенцев до стариков, то есть записать в рабство всех поголовно. И, как ты сам понимаешь, никто меня не спрашивал, а просто приказывали. Так что многие люди русские, о чувствах которых ты говорил сейчас правильно, от такого позора уйти с радостью согласятся, тем более что не бегством, а началом борьбы сей уход станет.

Князь помолчал, неспешно опорожнил вслед за Саввой свою чарку, закусил пряником. Затем, чуть поколебавшись, продолжил:

– Перепись эта ордынская, по коей дань с Руси собираться будет, и Новгорода с пригородами касается.

– Как Новгорода? – Савва вскочил, едва не опрокинув тяжеленную дубовую скамью. – Ведь даже близко к нему не подступали басурманы поганые! Мы их на свою землю не пускали, и не пустим!

– То есть ты хочешь, чтобы Орда поход на Новгород затеяла, по дороге остальные земли русские еще раз огню и мечу предала? Только что с тобой рассуждали, что воевать с ханами мы не готовы! Если в прошлый раз Новгород не пал перед врагом, так на то наряду с волею Божьей еще и другая причина была: остальная Русь Орду грудью встретила, кровью русскою захлебнулось нашествие. Следует теперь Господину Великому Новгороду за это расплачиваться, и не кровью, а деньгами земли русские от новых набегов откупать.

Князь произнес эти слова непривычно тихим, даже печальным голосом. По всему было видно, как нелегко дается ему решение подчиниться силе ордынской, пустить баскаков в непокоренный доселе военной силою вольный Новгород. Он слотнул невольно подступивший к горлу комок, протянул руку к ковшу с медовухой, налил новую чарку, но затем решительно отодвинул от себя хмельной напиток и уже прежним, ровным и уверенным голосом продолжил:

– Все же пусть лучше не сто тысяч воинов ханских, а десяток баскаков сюда придет. Уж их-то мы всегда подкупить да обмануть сможем. И еще не забывай, что, как ты сам только что мне указывал, нам средства немалые на создание новой рати требуются. Добром, как ты сам понимаешь, вече новгородское нам на дело тайное, о котором мы и сказать-то вслух не можем, ни полушки медной не даст. А вот помогая якобы баскакам дань собирать, мы кое-что в нужную сторону-то и направим, да так, что ни одна живая душа об этом не узнает.

Савва, стоявший все это время напротив князя с низко опущенной головой, медленно сел на скамью, поднял наконец глаза и задумчиво посмотрел на Александра:

– Прости, великий князь! Уже во второй раз за вечер чуть было не разуверился в мужестве твоём и решимости бороться с силой вражеской.

– Понимаю я, Савва, что многие скажут, будто князь Александр из трусости своей и жадности настолько Орде предался, что сам на землю Новгородскую своей рукой врагов привел! Я ведь сейчас сюда не только с очередным надзором великокняжеским приехал, но и весть о дани и скором прибытии баскаков для переписи горожан объявить. Шум поднимется небывалый! Горлопаны на вече будут на себе кафтаны рвать, меня проклинать и обещать умереть за волю новгородскую. Однако готов с тобой на титул мой великокняжеский поспорить, что, как только объявят им о приближении войска ханского, все герои мигом в толпе спрячутся да с уплатой дани согласятся!

– Так что же, Орда сюда, в земли новгородские идет? – воскликнул Савва.

– Нет, конечно! Иначе зачем бы мне на позорную дань соглашаться? Но слух о приближении Орды мы распустим такой, что все поверят. Другого выхода не вижу: Ну, давай все же к вопросу главному вернемся. Чтобы замысел наш скрыть понадежнее, объявим мы, что в лесах поморских северных будет, конечно же, не стан воинский, а монастырь уединенный возводиться. Орда, как ты знаешь, заветы Чингисхана пока что блюдет и священников поко-

ренных стран не трогает, ибо полагают ханы небезосновательно, что так им легче будет народ подневольный в повиновении удерживать. Боюсь, однако, что ненадолго это. Ханы сами вскорости к какой-либо вере примкнут: то ли к магометанской, то ли к буддийской, не знаю, какая уж им ближе покажется. Ну, да до поры до времени мы их благоволением к монастырям и монахам воспользуемся. А монастырь нам действительно нужен: и ратникам особой дружины особый дух любви к отчизне православной внушать, и светоч знаний поддерживать. Я лично с архиепископами, кои мудростью и беззаветной любовью к родине себя прославили и которым любую тайну доверить можно, побеседую. Попрошу их наиболее ученых книжечеев, языками и древними, и нынешними владеющими, в сей монастырь лесного города – стана воинского направить. И не только. Людей в наш город тайный, и воинов будущих, и ремесленников изобретательных, и земледельцев искусных со всей Руси будем только по совету приходских священников призывать. Кому, как не им, свою паству знать и людей, которые не только телом и умом, а еще и духом русским, верой православной крепки, на дело великое и наитруднейшее направлять.

– Сколько же людей нам понадобится?

– Начнем с тысячи воинов и тысячи же работников с семьями. Число священнослужителей пусть архиепископы определяют. Это будет зачаток войска будущего. Когда он окрепнет, силу и умение наберет, тогда и расширять его начнем, благословясь. Выбор места для стана, набор первый и переход людей тайный на место монастыря и города будущего ты, Савва, и обеспечишь. Три дня тебе даю на обдумывание, а затем, взяв людей двух-трех верных, отправляйся в леса поморские, место подходящее ищи. Скиты там имеются, охотники да рыбаки наши русские промышляют. На них и опирайся. А я с архиепископами новгородским да владимирским вопросы по набору людей решать начну.

– Слушаюсь, великий князь. – Савва вскочил, вытянулся по-военному.

– погоди, Савва, сядь, не все я еще сказал, что хотел. – Князь достал из стоящего у стены поставца свиток, запечатанный его личной печатью, положил на столе перед Саввой. – Здесь наказы мои записаны. И воинским наставникам, то есть тебе со товарищи, и ремесленникам-изобретателям, и другим ученым людям, кои будут нам дружину готовить. Возьми себе, потом, как лагерь обустроишь, людей соберешь и к подготовке воинской приступишь, прочитаешь внимательно. Сейчас лишь вкратце основное тебе перескажу. Поскольку начинаем мы с дружины малой, которая нес скоро в большую рать перерастет, то должны ее не только к полевому строю и бою приучать, в каковом орду одолеть можно и каковой нам с тобой еще изобрести предстоит, а к тем действиям, которыми даже малый отряд способен большому войску ощутимый урон нанести. Перво-наперво – это засады да заслоны лесные. Путь во многие земли русские через леса дремучие ведет, в коих лишь узкие дороги имеются. На них и малая дружина может всей орде противостоять, как триста спартанцев войску персидскому в ущелье Фермопильском. Да и мы с тобой знаем, что Евпатий Коловрат с дружиной в тысячу семьсот человек на всю орду Батыеву на лесной дороге навалился, побил врагов несчетно, хотя и сам пал. Будь у него опыта и гибкости побольше, так он бы, возможно, и вовсе орду остановил. А то ведь шел он за ними вдогон, а если бы в обход, с головы или сбоку: Ну, да что сейчас говорить. Вечная слава героям!

Князь выпил наконец давно налитую чарку, помолчал, затем продолжил:

– Второй важный вопрос в подготовке дружины – действия по задержке противника на переправах речных. Для этого тоже можно заранее приемы боя против превосходящих сил противника изобрести и отработать, ловушки различные подготовить. Третье – это вылазки ночные, нападения на стан вражеский, уничтожение противника спящего, к бою неготового. И четвертое – перехват и уничтожение поголовное передовых отрядов разведывательных. Пусть войско вражеское вслепую движется, в наши засады да ловушки напрямиком. Впредь до создания большой рати дружина наша может при необходимости из лесного стана выходить тайно,

набеги небольших отрядов грабительских отражать, которые даже без ханского соизволения все равно время от времени на Русь лезут. Да с ливонцами и с немцами тоже схватываться частенько придется. И даже потом, когда мы в тайном стане воинском тактику полевого сражения против Орды изобретем, малой дружиной опробуем и отработаем, да на этой основе большую рать соберем, все равно дружина наша особая в той рати отдельным отрядом останется и задачи, которые я тебе сейчас раскрыл, в решающих войнах выполнять будет.

– Все понятно, великий князь. Вот теперь-то мне твой замысел наконец в общих чертах прояснился.

– Я на тебя в первую очередь и рассчитывал. Но еще кое-что из того, что в сем свитке подробно описано, я тебе вкратце сейчас поведаю. Орда сильна легкой конницей. Посему тяжелое оружие против нее, как мне представляется, малопригодно. Например, мечи наши богатырские двуручные, броню крушить призванные, вряд ли победе поспособствуют: пока таким мечом замахнешься, хан три раза увернется да пять раз ударит легкой сабелькой. А сабельки те – не простые, а хитро изогнутые, на некоторых и сталь особая, дамасская. При правильном ударе с отяжкой такая сабелька, хоть и легкой кажется, рассекает-разрезает любые латы и шеломы, словно соломенные. Рыцари же западные, как мне было доложено, тоже от мечей тяжелых отказываются, переходят на шпаги с длинным узким лезвием. И в конной атаке такой шпагой колоть удобно, противника замахнувшегося опережать, ибо длинная, да и в узких коридорах ихних замков, где часто схватки завязываются, особо не замахнешься, поэтому процветает у них сейчас искусство не рубить, а колоть, фехтованием прозываемое. Нашим бы воинам вместе с оружейниками изобретательными все это проверить-испытать надобно да лучшее оружие и выбрать для каждого случая, будь то бой ночной, или засада лесная, или полевое противоборство открытое, где строй на строй сходятся.

Кроме того, идет сейчас на Западе, особенно в войне Франции с Англией, спор нешуточный, что лучше: лук или арбалет (самострел по-нашему). У лука скорость стрельбы высокая, а у самострела зато дальность прицельной стрельбы выше. Мы-то из лука-то не хуже ордынцев стреляем, а самострел пока у нас мало употребим. А если окажется, что ханскую конницу, на нас скачущую, мы поражать начнем с такого расстояния, что их стрелы до нас еще не долетают? Сколько выстрелов сделать успеем? Что выйдет из этого? Тоже все проверить на опыте, условия, подобные боевым, при проверке сей создать. Таковые задачи и будете решать в тайном стане воинском общими усилиями: мужей ученых, изобретателей хитроумных, ремесленников искусных и воинов умелых: У меня в этом свитке еще о копьях и дротиках, а также о ножных мечях, за голенищем носимых, ножами называемых, кое-какие мысли есть. Да если мы людей умом пытливых, до сути вещей любопытных соберем вместе да создадим им условия для их пытливости и любознательности благоприятные, они нам еще не то придумают. Обычно они окружающим кажутся убогими да блаженными, ибо мечтают о делах несбыточных: полетах человеческих, машинах причудливых. А в обыденной жизни-то мечтать некогда, надо землю пахать да железо ковать. Поэтому не дают сим людям мечты свои испытать да проверить. А мы не просто дадим, мы еще им поможем да поспособствуем. И пищу предоставим для их ума пытливого: станем собирать сведения о новейшем вооружении и приемах боевых со всех стран, и западных и восточных, и нашим изобретателям сообщать, чтобы они сопоставляли да оценивали, выбирали лучшее и свое развивали, чужой опыт используя.

– А как ты мнишь сии сведения собирать, Александр Ярославович?

– Многие монахи наши еще до ордынского нашествия частенько в длительные путешествия по святым местам отправлялись. Да и сейчас такое возможно, ибо, как уже говорилось, ханы священнослужителей чужих стран не трогают, препятствий в пути не чинят. В самой Орде кого только нет: и муллы турецкие, и аббаты папские. Так что пройдут посланцы наши спокойно и на юг, и на запад, и на восток. Приютят их, надеюсь, в конце пути в монастырях и храмах местных, особенно ежели узнают, что из страны, под Ордой стонущей, они пришли. Во

всем мире ханских походов дальнейших страшатся, и если переговоры повести правильно, то правдой или хитростью можно через священников местных многое и о науке воинской, и оружии новом выведать, поскольку во всех странах, нам известных, ученые люди, книги и знания в монастырях сосредоточены. То есть ежели намекнуть, что мы от них помощи против Орды ждем, да ежели еще и притвориться, что веру их за это перенять хотим, то раскроют любые тайны. Не столько, конечно, из любви к нам, сколько из страха перед ханским нашествием. Понимают небось, что Орда до них пока не докатилась лишь потому, что на Руси увязла.

– Про Запад, это понятно: там науки воинские процветают, вооружение и машины военные изобретают они усердно и искусно. А на Востоке что мы найти сможем?

– Когда отец мой, великий князь Ярослав Всеволодович, к главному кагану ордынскому, на берега Амура-реки вызван был и путешествие труднейшее предпринял, из коего, как ты знаешь, не вернулся, умерев на обратном пути, люди, его сопровождавшие, те, что выжили, сведения любопытные мне поведали. Встречали они в ханском стане наших пленников, тех, что ранее в Орду, в степи монгольские и в самый Китай увезены были да там потом скигались-мыкались. Так вот, довелось некоторым бывать в монастырях буддийских, кои ханы, Китай покорившие, как и в других странах, не трогают. Видели сородичи наши в монастырях этих вещи удивительные. Оружие ханы китайцам запретили носить, так монахи эти буддийские искусство боя без оружия изобретать и совершенствовать принялись и большой ловкости в этом деле достигли.

– Зачем нам бой без оружия, князь? Слава Богу, пока с оружием в руках бьемся! А ежели в рукопашной схватке случается грудь в грудь сойтись, так и там умеем действовать, переняв да развив приемы борьбы греческой.

– Так все это, Савва, да нам надо сейчас все искусства воинские воедино собирать, не пренебрегать даже малостью. И опыт китайских воинов-монахов безоружных нам лишним не будет: Но насчет западной искусности воинской, особливо в изобретении нового оружия хитроумного, ты прав, конечно. Поэтому следует нам не только монахов-разведчиков к ихним людям ученым направлять, но и через торговые пути морские, кои еще из Руси сохранились, посылать также в страны западные наших дружинников, чтобы поступали они там в войска наемные и перенимали опыт боевой и новинки оружейные непосредственно. Часть из них погибнет в битвах неминуемо, но те, кто выживут и вернуться, обогатят нашу дружину будущую сведениями бесценными, привезут, если удастся, образцы вооружения новейшего: Ну, вот и все, пожалуй, что я тебе сказать хотел. Теперь догуливай сегодня, коли хочешь, а через три дня явишься ко мне с подробным докладом о мерах первоначальных по устройству тайного стана воинского.

Князь поднялся из-за стола, протянул руку своему дружиннику. Савва встал, крепко пожал руку князя и ответил твердо и сурово:

– Какое уж тут гулянье, князь, после того, что ты мне доверил и поручил. Сей же час начну соратников, для нашего дела подходящих, скликать, к путешествию дальнему для поисков места для стана тайного готовиться. Через три дня доложу, какие действия предприняты да намечены. Разреши идти?

– Иди, Савва, – ласково кивнул ему князь и, когда за дружинником уже затворялась дверь, чуть слышно, одними губами добавил: – Помоги нам Бог!

Лодка плыла совершенно бесшумно по чуть подернутой утренней туманной дымкой неподвижной глади озера. Михась поразился прежде всего этой бесшумности, поскольку знал, как трудно достичь беззвучного гребка именно в туман и безветрие, когда малейший плеск разносится по воде на многие сотни сажен вокруг. Она стояла во весь рост в почти скрытой низко стелющимся туманом лодке и спокойно, даже чуть замедленно взмахивала веслом. Лопасть весла также тонула в молочной пелене. Силуэт ее был смутным, но удивительно легким и стройным, распущенные волосы колыхались в такт движениям плеч. Михась попытался

разглядеть и запомнить ее лицо или хотя бы глаза, но неожиданно перед самым носом лодки из казалось бы спокойной воды вынырнуло скользкое черное тело, с невероятной быстротой увеличилось в размерах, заслонило собой девушку, к которой Михась стремился всеми силами души. Чудовище разинуло безобразную пасть и заорало нечеловеческим голосом: «Отря-аад! Подъем!!!»

Еще не стряхнув с себя остатки сна, Михась вскочил с лежанки. Под сердцем щемило сладко и тоскливо. Кто же она? Как очутилась на этом озере? Да и что это было за озеро? Он быстро натянул шаровары, обул сапоги и вылетел из приземистого отрядного блокауза на площадку для утреннего построения.

На второй версте пробежки по мягким и ровным тропинкам векового соснового бора, когда легкие уже продышались, сердце работало спокойно и ритмично, картина озера и девушки в лодке опять на секунду встала перед глазами, но Михась усилием воли отогнал чудесное видение. День сегодня был особенный, и мечтать, и уж тем более – расслабляться, мягко говоря, не стоило.

Через час, когда зарядившиеся бодростью во время утренних упражнений, умытые и одетые по полной форме бойцы замерли в стройных рядах, на середину обширной площадки с приличествующей особо ответственному моменту торжественностью вышел сам тысяцкий в сопровождении нескольких сотников и порученцев.

– Равняйся! Смирно! – скомандовал дежурный по отряду сотник, подбежал к группе начальников с докладом.

– Здорово, дружинники! – привычно бодро-весело гаркнул тысяцкий.

– Здрав будь, воевода! – последовал дружный ответ.

– Поздравляю вас с началом строевых испытаний!

Выкрикивая вместе со всеми троекратное «ура!», Михась с гордостью ощущал, что наконец-то сегодня это поздравление, которое он слушал за свою жизнь вот уже девять раз, вначале стоя с малышами на самом левом фланге, затем перемещаясь все правее, относится теперь и к нему.

Тысяцкий между тем продолжал свою речь:

– С тех самых времен, когда по приказу святого князя Александра Невского его верный дружинник Савва Кондратьевич почти три столетия назад основал наш тайный лесной воинский стан, каждый год молодые воины, прошедшие все ступени подготовки к ратному делу, подвергаются испытаниям, после которых становятся строевыми бойцами и получают почетное звание леших. Правила и условия испытания, как вы знаете, разработаны лично отцом-основателем, Саввой Кондратьевичем. От него же и пошел обычай лесных дружинников лешими именовать. Помните, что в испытаниях сих посредниками и судьями вам не мы, ваши начальники, будем, а наши боевые друзья из Южной тысячи. Спрашивать с вас они будут по всей строгости, спуску не ждите, ибо знаете сами, – перешел тысяцкий с пафосного на шутиливый тон и по-отечески покровительственно погрозил строю пальцем, – что только в бою они нам друзья, а в соревнованиях – извечные соперники!

Строй отреагировал на шутиливость начальства почтительным хохотком.

– Так что вы уж нашу славную Северную тысячу перед друзьями-то не посрамите! Не ударьте в грязь лицом. Впрочем, ударять в грязь другими частями тела я вам тоже не советую. Ну а ежели кого все же постигнет неудача, что ж: жалко, но не смертельно. Вы молодые, все впереди, поупражняйтесь еще годик – и в строй. Зато уж потом в смертельном бою не дадите врагу ни малейшей возможности вас одолеть! Ну а десять лучших из лучших, как вы знаете, будут направлены в заморские страны для прохождения там боевой практики и усвоения новейшей науки воинской, то есть для разведки боем. Все должны будут выжить и вернуться, привезти с собой опыт бесценный и оружие последних образцов. Для того лучших и отбираем с особым

пристрастием и даже жесткостью: не имеют права они погибнуть на заморских ристалищах. Я верю в вас, сынки! Во всех и в каждого. Помогай вам Бог!

Тысяцкий махнул рукой дежурному сотнику. Тот сделал шаг вперед и зычным голосом скомандовал:

– Северная тысяча! К торжественному прохождению: Первый отряд прямо, остальные напрааа-во!

Михась шел в строю на своем привычном месте, третьим справа, плечом к плечу с закадычными друзьями, Разиком и Желтком. Когда их шеренга поравнялась с воеводой, Михасю показалось, что тот как-то по-особенному взглянул на их известную, пожалуй, всему Лесному Стану троицу, и легкая тень пробежала по суровому лицу высокого начальства. Впрочем, Михась видел воеводу лишь мгновение и не придал никакого значения своему мимолетному ощущению.

После торжественного прохождения отряды, как и положено, отправились в трапезную. Здесь ощущение значительности предстоящего события, охватившее всех на площадке для построений, постепенно прошло, и бойцы оживились перед приятным делом: честно заработанным завтраком. Строй остановился перед дверью приземистой длинной бревенчатой трапезной, слышались знакомые и вечные, как зима и лето, команды десятников:

– Головные уборы снять! Справа по одному! Узкие места преодолеваются бегом!

После простого, но сытного завтрака Северная тысяча вновь построилась и направилась на главную учебную поляну Лесного Стана. Там и должны были начаться испытания, после которых молодые дружинники становились лешими и начинали принимать участие в боевых действиях. В тот момент, когда голова колонны Северной тысячи вошла на поляну, практически одновременно с противоположной – южной – стороны показалась колонна Южной тысячи. Это одновременное появление, как и многое другое во взаимоотношениях северных и южных, давным-давно стало обычаем, который хотя и не был записан в уставах, но строго соблюдался всеми: от тысяцкого до последнего малыша-дружинника. Сам Савва Кондратьевич разделил войско Лесного Стана на две тысячи, которые имели специфику подготовки, обусловленную выполняемыми ими задачами. Южная тысяча специализировалась на приемах степной войны и направлялась для боевых действий и спецопераций в основном на южные рубежи Руси, против ордынцев, тогда как Северная тысяча соответственно отвечала за рубежи северо-западные, готовилась к боям в лесистой местности, а также на воде и противостояла немцам, ливонцам и шведам. Естественно, в крупных сражениях дружина тайного Лесного Стана выступала единым войском, которое знающие люди вскоре шепотом стали называть войском леших. Разделив тайную лесную дружину на две тысячи, любимый соратник святого князя Савва Кондратьевич, который был не только опытным, но и весьма образованным для своего времени военачальником, а также просто умным человеком, специально внушил им дух соперничества. Он понимал, что в условиях отдаленного и закрытого воинского стана именно постоянные соревнования друг с другом должны стать основой повышения качества боевой подготовки, и в некоторой степени – центральным смыслом общественной жизни всего маленького лесного города.

Торжественно затрубили рожки, и в центр поляны вышло все руководство и высшее духовенство Лесного Стана. Раздалась команда: «Равняйся! Смирно! Равнение на-аправо!» В сопровождении почетного караула с саблями наголо перед строем проплыла войсковая хоругвь. Войско обнажило головы, преклонило колена. Настоятель Всесвятского монастыря, вокруг которого и создавался в свое время тайный лесной воинский стан, отслужил молебен. Затем вновь запели рожки, зазвучали команды. Плечом к плечу, легким походным шагом, сотня за сотней, дружинники прошли перед хоругвью, оваянной славой Куликовской битвы. Потемневший от времени лик Спаса Нерукотворного, пробитый вражескими стрелами, иссеченный саблями, строго и требовательно взирал на защитников Русской земли.

Первым этапом испытаний были конные скачки с препятствиями, стрельбой и рубкой. Это был единственный этап, на котором северные и южные состязались вместе. Сразу со скачек отряд южных, включавший также посредников-судей из Северной дружины, уходил на юг, совершая длительный пятисотверстный конный переход в степи и обратно. Северные оставались в своем лесу и все испытания проходили на месте.

Михась, как и все, стоял на исходном рубеже, держа под уздцы доставшегося ему по жребии скакуна. У южных у каждого был свой личный конь, причем не один, а два. Сейчас, конечно, каждый из них был при одном скакуне, а вот в дальний поход они отправятся одвуконь, ведя второго – заводного – в поводу. Михасю достался уже знакомый конь, Бардик, на котором не раз доводилось скакать по полянам и узким лесным тропинкам. Он послушно, не закидываясь, брал препятствия, надежно шел в шенкелях при стрельбе, то есть подчинялся управлению одними ногами, когда всаднику приходилось бросать повод и обеими руками держать лук или самострел. Михась был спокоен и собран и особого волнения не испытывал.

– По коням! – прозвучала команда. – Рысью: Айда!

Михась повернул голову вправо, поймал, как и ожидал, взгляды рысивших рядом друзей: Разика и Желтка. Они подмигнули друг другу, улыбнулись. Все трое дружили с тех пор как себя помнили. Вместе попали в малышей отряд, спали на лавках рядом друг с другом, и во время бодрствования практически не разлучались. Самое интересное, что их иногда путали даже хорошо знакомые люди: обращались к Михасю «Разик» или к Разику «Желток» и т. д. Они слились в сознании окружающих в одно целое, хотя внешне были совершенно не похожи друг на друга. Михась был среднего роста, крепкого телосложения, белобрысый и голубоглазый, типичный представитель центральной Руси. Разик был также среднего роста, но более худощавый, имел темные волосы и карие глаза. Его происхождение скорее можно было отнести к Руси юго-западной. Желток был выше всех, рыжий и веснушчатый, его прабабушкой была английская леди, которую прадед Желтка привез в Лесной Стан из заморского испытания. Хотя кто кого привез – это вопрос отдельный. Троица отличалась во всем. В первую очередь, конечно же, в боевой учебе. Друзья успешно перепрыгивали через все ступени воинской подготовки, проявляли невероятную настырность и любопытство, от их вечных каверзных вопросов часто вставали в тупик наставники-командиры. Но умных наставников и начальников (а глупых в тайном воинском Лесном Стане не было по причине естественного отбора в боях и походах) такая настырность и любознательность питомцев только радовала, ибо они не сомневались, что растят себе достойную смену, которая в недалеком будущем непременно превзойдет их самих. Преуспевали друзья и в науках отвлеченных: письме и чтении, изучении иностранных языков. Но особую известность среди всех обитателей Лесного Стана, не только бойцов, но и монахов, ученых, ремесленников и земледельцев, великолепной тройке принесли их многочисленные выходки, точнее именуемые художествами.

Некоторые из этих художеств были непосредственно связаны с лошадьми и верховой ездой. Лошадей приятели любили и сызмальства мечтали ездить верхом. Конечно, они не могли спокойно ждать, когда достигнут подходящего возраста и связанного с ним роста, дающего возможность полноценно управлять скакуном. Родители время от времени подсаживали свои чада на боевых коней и катали, или держа в седле перед собой, или ведя скакуна в поводу. Но это было все не то: друзья мечтали лично управлять лошадью без всяких там помощников в лице взрослых. Поэтому, вскоре после поступления в малышей отряд, то есть отделения от родительской опеки, не дожидаясь, когда их официально посадят в седло и начнут учить верховой езде, Михась, Разик и Желток задумали и осуществили один из первых своих грандиозных планов. Ночью, перехитрив дежурного по отряду, такого же, как они, малыша, приятели незаметно выбрались из блокауза и совершили набег на конюховку – конный двор, на котором мирно дремали рабочие лошади земледельцев. Понятно, что авантюристы пошли по легкому пути: конюшни с боевыми скакунами, как и положено, охранялись караулом из

числа вполне взрослых бойцов, и умыкнуть оттуда лошадей не было ни малейшей возможности. Похитители, воспользовавшись навыками, полученными во время родительских катаний, взнуздали трех весьма удивленных и огорченных неожиданным пробуждением меринов, стоявших у самой изгороди. По этой изгороди они и влезли на неоседланных животных. Рабочие седла лежали тут же, на конном дворе под навесом, вместе с упряжью, но были малолетним угонщикам совершенно ни к чему: их ноги еще не доставали даже до предельно укороченных стремян. И через предварительно отворенную воротину друзья, вооружившись хлыстами из прутьев, погнали изумленных меринов куда глаза глядят, а вернее, куда попало, ибо сумрак безлунной ночи был совершенно непроглядным.

Некоторое время мерины, обалдевшие от неожиданности, послушно скакали по окрестным, еще не вспаханным полям ленивым корявым галопом. Они постоянно стремились перейти на привычный шаг, но удары прутьями по крупу (шпор у трех молодцов, естественно, и в помине не было) взбадривали животных на короткое время. Друзья какое-то время были совершенно счастливы: еще бы, ведь они сами управляли настоящими скакунами и неслись, как вольные птицы, по необозримым просторам, навстречу ветру! И тут у Желтка сломался хлыст. Моментально почувствовавший изменившуюся ситуацию мерин забаловался, перестал слушаться невесомого седока, принялся подкидывать круп и вставать на дыбы. Естественно, Желток шлепнулся на землю, причем не просто на землю, а в довольно большую лужу. Мерин, окончательно почувствовав свободу, радостно заржал и уже вполне пристойным галопом устремился на родной конный двор.

– Разик, Михась! Ловите его! – отчаянно закричал из лужи Желток. Он, естественно, не знал, куда помчался мерин, и испугался, что тот сбежит.

– Как ты там? – воскликнули с высоты своих скакунов еще не потерявшие управление друзья.

– Да цел вроде! Ловите коня, а то убежит в лес, волки его задерут, и нам попадет сильно! Я на конюховку сам прибегу!

Разик и Михась тоже изрядно испугались мгновенно представшей в их воображении картины: задранный волками несчастный мерин, рядом с ним, понутив головы, стоят трое злодеев, то есть они сами, а вокруг – суровый и непреклонный суд из числа командиров и начальников. Позор! Отчисление из отряда:

Разик и Михась, отчаянно нахлестывая своих скакунов, устремились в погоню. Мерины, прекрасно сообразив, куда несется их сородич, и вполне разделяя его чувства, охотно помчались к месту заслуженного отдыха, проявив невиданную до сего момента прыть. Оба малыша-дружничка на долгие годы запомнили эту захватывающую дух погоню: свист ветра в ушах, никогда не испытанное ранее ощущение скорости, непроглядный сумрак ночи, бешеный стук копыт по невидимой земле, а впереди – чуть различимое светлое пятно, круп удиравшего от них беглеца. Как это ни удивительно, но лошадь с всадником практически всегда догоняет лошадь без седока, хотя последней, казалось бы, намного легче бежать. Друзья настигли убежавшего мерина недалеко от конюховки. Михась изловчился и, чуть не разбив колено об изгородь, подхватил на скаку свисавший повод беглеца и остановил его. Мерины уже были почти водворены на свое законное место, когда появился дозор, привлеченный необычным шумом. Друзей задержали и препроводили, куда и положено: в воинский острог. Вскоре туда самостоятельно явился сдаваться Желток, об участии которого в незаконном мероприятии Михась и Разик, естественно, ничего не сказали дозорным. Но, конечно же, Желток был не таким человеком, чтобы прокрасться в блокгауз и как ни в чем не бывало улечься спать, оставив друзей одних отвечать за общий проступок. Когда он, мокрый и жалкий, весь дрожа, явился в острог и потребовал писклявым от волнения голосом, чтобы его наказали вместе с его товарищами, начальник караула – старый заслуженный леший – чуть было не пустил слезу, но притворно-сурово насупив брови, глухим голосом велел часовым водворить нарушителя в тем-

ницу. Глянув через зарешеченное оконце, как радостно обнимаются встретившиеся в этом не очень-то веселом месте друзья, начальник караула лишь крикнул и улыбнулся в седые усы.

Естественно, нарушителей воинских порядков наказали по всей строгости, причем не столько за самовольное оставление расположения отряда, сколько за обиду, нанесенную земледельческому составу Лесного Стана. Согласно заветам святого князя, в Лесном Стане были собраны со всей Руси наиболее искусные ремесленники и земледельцы, которые настолько любили свое дело, что их не надо было заставлять работать, а скорее, заставлять отдыхать. И духовные наставники из лесного монастыря, и воинские начальники внушали дружинникам самое уважительное отношение к кормившим, одевавшим и вооружавшим их кузнецам, ткачам, плотникам и землепашцам. Мастеровой люд был также разделен надвое: одна половина считалась приписанной к Южной тысяче, вторая – к Северной. Между ними также шло совершенно открытое, поощряемое духовенством и руководством Лесного Стана соперничество: у кого больше урожай, вкуснее плоды, крепче упряжь и т. д. Пренебрежительное и высокомерное отношение со стороны военного люда к работному сурово пресекалось. Это моральное поощрение и прекрасное материальное благополучие делало труд обслуживающих тайный воинский Стан людей в высшей степени творческим и производительным. Кроме того, имея возможность время от времени посещать родственников за пределами Стана (их вывозили по запутанным дорогам и встречали в условленном месте, пути назад они самостоятельно бы не нашли, да и никто не прошел бы сквозь заставы и засеки, окружавшие Стан), работники видели жуткий контраст между своим положением в закрытом лесном городе и положением остальных русских людей. Поэтому у них было достаточно стимулов, чтобы оставаться в Лесном Стане и трудиться, не щадя сил и от всей души. Нечто подобное много веков спустя будет происходить в закрытых городах – «почтовых ящиках» СССР, в которых также существовал практически коммунизм, рабочие и инженеры, в отличие от своих соотечественников в «обычной» России, не знали слова «дефицит», не испытывали недостатка ни в чем и выдавали военную продукцию высочайшего уровня, на много лет опережавшую аналогичные изделия западных стран. При этом гражданская продукция в СССР соответственно отставала на несколько десятилетий, и труженики стояли в бесконечных очередях за всем: начиная от зубной пасты, молока и мяса и заканчивая жильем. Что ж, абсолютна мудрость Экклезиаста, написавшего: «Что было, то и будет, что происходило, то и будет происходить, и ничто не ново под солнцем. И есть ли хоть что-нибудь, о чем скажут: смотрите, это новое? Это все уже было в прежние времена, задолго до нас».

В общем, друзья подверглись первому в жизни воинскому взысканию. Старательно выполняя в течение десяти дней самые грязные работы, а в промежутках вместо отдыха занимаясь строевой подготовкой, они не утратили любви к верховой езде. И впоследствии, когда Михась, Разик и Желток сели в боевые седла уже официально, они были совершенно счастливы. Лишь один факт омрачал их радость. Дело в том, что в Южной тысяче все дружинники, начиная с самых младших, традиционно и по профилю своей подготовки лучше владели искусством верховой езды и всегда гордились этим перед северными. Трем друзьям, несмотря на выдающиеся успехи во всех других видах боевой подготовки, никак не удавалось одолеть своих южных сверстников в конных состязаниях. Тогда, чтобы поддержать престиж северной кавалерии, троица придумала некий план.

Все отроки-дружинники время от времени, согласно очередности, заступали на дежурства по Лесному Стану. Возглавляли дежурства, естественно, сотники, в караулы и дозоры ходили более взрослые бойцы, а отроки числились в наряде и выполняли разнообразные поручения дежурного сотника и его помощников, в том числе бегали в качестве вестовых к различным начальникам как Северной, так и Южной тысячи. Трое друзей хорошо знали начальника кавалерии Южной тысячи, поскольку им доводилось не раз бывать у него с поручениями. Этот бравый начальник, заслуженно гордясь своими подчиненными, не упускал случая под-

трунить над Михасем, Разиком и Желтком по поводу их очередной неудачи в конных состязаниях. Жил он, как и положено начальству, почти в центре Лесного Стана, в высоком тереме. Любил кавалерийский начальник сживать в светелке на самом верху терема со своей обожаемой супругой. А в ту светелку вела с крыльца довольно длинная и крутая лестница с перильцами, идущая вдоль внешней стены терема и покрытая навесом. И вот, в один прекрасный день, сидел начальник по обыкновению в светелке, держал супругу за руку да любовался в оконце прекрасной панорамой леса, обширных полей и тихого озера. Вдруг услышал он стук в дверь и вслед за тем бодрый мальчишеский голос: «Вестовой от дежурного сотника к господину начальнику с поручением!» Распахнув дверь светелки, которая открывалась на небольшой балкончик перед лестницей, изумленный начальник очутился лицом к лицу не с вестовым, а с конской мордой. Конь меланхолично потряхивал головой и лениво грыз удила. Из-за конской морды показался преувеличенно-серьезный вестовой, сидевший в седле и пригнувшийся к самой шее коня, чтобы не задеть головой навес над лестницей.

– Распоряжение от дежурного сотника! – Вестовой протянул начальнику свернутую трубкой грамоту с печатью.

Обалдевший начальник молча взял протянутый свиток, продолжая беззвучно взирать на вестового, в котором он уже узнал Михася.

– Разрешите отбыть к месту дежурства? – деловитым тоном осведомился Михась.

– Разрешаю, – едва только и смог выдать из себя изумленный глава всей южной кавалерии и вздрогнул от раздавшегося за спиной визга супруги, выглянувшей у него из-за плеча и увидевшей на их родном балкончике конскую морду.

Михась тронул поводья, и конь послушно стал спускаться, пятясь, по лестнице. Достигнув земли, отрок развернул коня и неспешно потрусил со двора. А на улице, с которой через невысокий забор прекрасно была видна вся только что происходившая сцена, Михася громко приветствовали многочисленные зрители, в первых рядах которых, конечно же, находились Разик и Желток. Трое друзей в обстановке строжайшей секретности в течение двух месяцев готовили для только что состоявшегося трюка старого боевого коня Петьку, отслужившего свой срок и теперь, как и многие другие четвероногие ветераны, мирно коротавшего оставшиеся ему годы на отдельной конюшне. Петька был выбран тройкой заговорщиков из многих других претендентов за покладистость и сообразительность. На отдаленной укромной полянке они соорудили лестницу, напоминавшую ту, что была пристроена к терему начальника южной конницы, вначале закрепили ее полого, под небольшим углом, и стали приучать Петьку ходить по ступенькам, а главное – пятиться по ним. Угол наклона лестницы постепенно увеличивался, пока не достиг реального «боевого» положения. Затем оставалось только дожидаться дежурства и соответствующего поручения, которое выпало на долю Михася, привести из пенсионной конюшни Петьку и совершить поступок, немедленно попавший в легенды Лесного Стана. Друзья так ни разу и не выиграли конных состязаний у южных, но шутки и подтрунивания по этому поводу в их адрес со стороны соперников прекратились раз и навсегда.

– Галопом: Айда! – прозвучала давно ожидаемая команда, и скачка началась.

Северные восседали на высоких и могучих «рыцарских» лошадях европейских пород. Южные же состязались на низкорослых, зато неприхотливых и выносливых монгольских лошадках. Сотня всадников, пять десятков испытуемых из Северной тысячи и столько же – из Южной, неслась, набирая темп, по лесным просекам и обширным полянам, перегороженным барьерами из бревен, плетнями, рвами с водой и просто ямами. Во время скачки приходилось преодолевать довольно крутые склоны оврагов и даже переплывать одну довольно широкую и глубокую реку с быстрым течением. На некоторых полянах, на специально оборудованных рубежах, лавину всадников поджидали ряды соломенных чучел, одетых в старое обмундирование, водруженных на сколоченные крестом жердины, которых требовалось поразить копьем, зарубить саблей, пробить стрелой или заарканить, в зависимости от знака, висев-

шего на рубеже. Чучела эти были не столь безобидны: они щетинились копиями, «держали» в руках-жердинах вполне настоящие, хотя и давно зазубренные сабли, прикрывались щитами. На их тряпично-соломенных шарообразных головах, на том месте, где полагалось быть лицу, по традиции, заведенной, как считалось, еще триста лет назад самим отцом-основателем Саввой Кондратьевичем, были намалеваны огромные голубые глаза и широкая красная издевательская улыбка. Находящиеся возле чучел посредники за каждый промах задерживали неудачника на месте до счета «десять», а затем позволяли продолжить скачку.

Монгольские лошадки южных из-за своей низкорослости хуже брали барьеры, зато лучше прыгали в длину. Скакали они резвее, и резвость эта сохранялась на протяжении очень длинных дистанций. Конечно, в прямом столкновении и рубке строй на строй тяжелые северные кони давали преимущества их седокам, но в степной войне важнее были легкость и маневренность. Если в самом начале скачки около десятка северных дружинников, среди которых были и три друга, еще держались в первых рядах, то уже к середине южные стали постепенно отрываться и уходить вперед. Особенно увеличился отрыв после рубежа по стрельбе из лука. Здесь отстал и от южных, и от своих товарищей Михась. Он был одним из лучших в Стане стрелков из арбалета, называемого по-русски самострелом, а также многократно выходил победителем в состязаниях по стрельбе из пищали или аркебузы. А вот лук был его слабым местом. Кое-как поразив на скаку три мишени из пяти, Михась, осаживая рвущегося вперед коня, стиснув зубы, ждал, когда наблюдатель досчитает до двадцати, и уныло взирал на проносящихся мимо него соперников.

Теперь, чтобы их догнать, следовало рискнуть, и Михась с места в карьер ринулся вслед за ушедшей вперед кавалькадой. Вороной конь Бардик, словно тоже почувствовавший обиду за то, что его зачем-то держали на поляне, без понуканий понесся широким галопом, явно стараясь изо всех сил. Он легко и с охотой перепрыгивал через препятствия, отчаянно съехал почти на самом заду с крутого песчаного берега реки и без колебаний плюхнулся в холодную воду, поплыл наискосок, борясь с сильным течением. Михась соскочил с седла, поплыл рядом, причем не держался, как все, за луку или гриву, а лишь придерживал одной рукой ослабленные поводья, а сам изо всех сил загребал руками и ногами, чтобы облегчить и ускорить совместное плавание. Уж что-что, а плавать Михась умел. В результате предпринятых усилий Михась с Бардиком переместились к следующему рубежу на несколько позиций вперед, обогнав с десяток дружинников из Северной тысячи. Южные и часть северных, среди которых были Желток с Разиком, скакали по-прежнему где-то впереди.

Мокрые, тяжело и прерывисто дышавшие, конь и всадник ворвались на всем скаку на рубеж для сабельной рубки и помчались по свободной дорожке навстречу трем ожидавшим их соломенным врагам. Если бы у Михася был запас времени, то он, конечно же, придержал бы коня, чтобы вернее отбить направленные на него сабли и срубить соломенные головы с мерзкими ухмылками. Но времени-то как раз и не было, поэтому опять приходилось рисковать. Михась едва успел выхватить саблю из ножен и крутануть ею над головой, разминая плечо, готовя его для рубки с оттяжкой. Соломенная голова распадется на две половинки или же слетит с соломенных плеч только при правильном ударе, при котором сабля не просто молотит, как дубина, оставляя лишь синяки и шишки, а разрезает противника, разваливает его «от плеча до седла».

Праз! Два!! Три!!! Последняя голова почему-то осталась на месте, лишь слегка покачнувшись. Михась уже ожидал свистка наблюдателя, но, еще выводя саблю из удара, чтобы она не срубила ухо собственному коню, заметил краем глаза, что тряпично-соломенный шар, бессмысленно таращась невинными голубыми глазищами, дрогнул, скатился вниз, запрыгал по вытоптанной земле. Михась издал нечленораздельный победный клич и, не сбавляя темпа, помчался дальше, свернул с поляны на узкую лесную тропинку буквально перед носом четырех соперников, еще только выходивших со своих дорожек.

Михась пришел шестым среди испытуемых из Северной тысячи, Разик был первым, а Желток – вторым.

– Не расстраивайся, братик, – в один голос принялись утешать Михася два его товарища, когда он, дышавший так же тяжело, как и честно скакавший изо всех своих лошадиных сил Бардик, пересек конечную черту. – Завтра будет наш день.

– Ладно, братцы, прорвемся! – без особой радости отвечивал Михась.

Поскольку все испытуемые завершили скачку задолго до того, как в специально поставленных на столике у конечной черты песочных часах закончил падать песок, отмерявший предельное время, довольное начальство объявило благодарность обоим выстроившимся на рубеже полусотням. Более того, оно, выдержав эффектную паузу, объявило увольнение до утра для восстановления сил перед завтрашними новыми состязаниями, то есть отпустило всех кандидатов в строевые бойцы отдыхать по домам. Дружное троекратное «ура!» спугнуло стаи разнообразных птиц, успевших привыкнуть даже к пищальным выстрелам, часто звучащим на поляне для воинских испытаний. Птицы эти долго кружились над поляной, обиженно чирикавая и каркая на разные голоса.

Со смехом и шутками испытуемые дружинники в сопровождении свободных от службы сочувствующих отвели своих лошадей в конюшню, обиходили их, как положено, и отправились в разные концы Стана, к своим жилищам. Приятели также расстались ненадолго, договорившись вскоре собраться у Михася и провести вечер, как и всегда, вместе.

Михась шел домой по лесной тропинке. Обширная территория Стана была, конечно же, обнесена частоколом со сторожевыми вышками, но внутри частокола на пространствах, не занятых строениями и различного рода площадками для упражнений, сохранялся девственный лес, густо населенный птицами и мелким зверьем. Особенно вольготно чувствовали себя здесь белки, ставшие не просто ручными, а обнаглевшие до такой степени, что занимались мелким воровством съестных припасов прямо с чердаков жилых изб, близ которых росли деревья.

Михась был погружен в свои мысли, но все же краешком сознания наслаждался красотой и весенней свежестью соснового леса, в котором местами, в низинках, встречались группы берез. Он различал голоса птиц, шорохи хлопотливой и тайной лесной жизни, которая открывается лишь внимательному и добродушному наблюдателю. Михась вырос в лесу, это был его большой дом. Он был бы весьма удивлен, если бы каким-то чудом узнал, что в далеком будущем его коллеги из разнообразных спецназов будут проходить особые и трудные для них курсы по выживанию в лесу. Михась и все бойцы тайной дружины в лесу не выживали, они в нем просто жили.

В общем и целом, Михась своей жизнью был доволен. Он занимался любимым делом – воинской подготовкой, к которому имел не просто склонность, а еще и природный талант. Он любил всей душой свою маленькую родину – Лесной Стан и живущих в нем людей и с молоком матери, с молитвами в храме, с устными былинами и чудесными мудрыми книгами впитал любовь к большой Родине – Руси. Именно к защите Родины, и большой и малой, денно и ночью, не щадя сил, готовился он вместе со своими товарищами.

Важнейшими чертами характера Михася были честность и справедливость. Он свято верил во все, что внушали ему наставники, и целью жизни полагал точное следование всем предписаниям, которые, как он хорошо понимал, были не чьей-то сиюминутной прихотью, а плодами векового опыта и народной мудрости. В Северной тысяче его за глаза прозвали «уставной дружинник». Пожалуй, время от времени это желание или даже потребность неуклонно следовать всем правилам и уставам слегка вредила ему в отношениях с окружающими, поскольку Михась с юношеским максимализмом ожидал, что все, как и он, так же безоговорочно будут выполнять писанные и неписанные законы морали, не говоря уж о требованиях воинской дисциплины. До него еще не дошла вся глубина и диалектичность воинской поговорки, которую он, конечно же, слышал, но подлинный смысл которой пока не осознавал: «Не знаешь,

как поступить, – поступай по уставу». Михась безусловно воспринимал лишь ее вторую часть. Эта прямолинейность, свойственная многим в юном возрасте, усугублялась еще и тем, что Михась с двенадцати лет жил без родителей. Погибли они при загадочных обстоятельствах, и Михась точно не знал, при каких именно. Окружающие говорили об этом скупой, а чаще просто молчали. Михась не имел родительской ласковой опеки и не получал тех наставлений, которые не могут быть выражены даже очень правильными словами, а должны передаваться взглядами, жестами, улыбками. Еще у Михася на руках была младшая сестренка, Катька, которую он, сам не имея жизненного опыта, считал своим долгом воспитывать и наставлять на путь истинный. Катька была всего на два года моложе его, то есть шестнадцатилетней девицей, уже почти на выданье, но Михась по привычке считал ее совсем маленькой и относился к ней, как к ребенку. Катька, с одной стороны, безумно любила старшего брата и во всем стремилась ему подражать, с другой – хотела обязательно его в чем-то превзойти. Конечно, девчонок в дружину не брали, но при некоторых показаниях могли включить во вспомогательный состав. Отдельных лиц женского пола приписывали к особой сотне, не входившей ни в Северную, ни в Южную тысячи, а подчинявшейся непосредственно Большому Совету Лесного Стана. Деятельность и назначение особой сотни была засекречена от посторонних. В Стане вообще было много всевозможных тайн, и его обитатели с самого юного возраста привыкли не задавать лишних вопросов. Так или иначе, некоторые девчонки, в том числе Катька, проходили некую военную подготовку. Михась ничего плохого в этом не видел, даже в глубине души одобрял, но относился к Катькиным занятиям с насмешливой снисходительностью как к детским, да еще вдобавок девчоночьим забавам. Ну а сестренка в глубине души мечтала превзойти любимого братца именно на воинском поприще.

Михась перешел по мостику с резными перильцами неширокий ручеек, после которого тропинка выходила из леса и расширялась в улицу, и увидел заборчик, окружавший его родную избу. К одной из резных балясин заборчика был привязан боевой конь под прекрасным новомодным седлом. Конь был вроде бы знакомый, и Михась догадался, что за всадник пожаловал к нему в гости. Его настроение, и без того испорченное неудачей на скачке, резко ухудшилось. Но он, как и положено бойцу Лесного Стана, взял себя в руки, плавно отворил калитку и не спеша, со спокойным лицом вошел во двор.

Естественно, он увидел то, что и ожидал: на скамеечке под яблонькой сидели Катька и Лурь, строевой боец особой сотни. Рука бойца лежала на спинке скамейки как-то уж слишком близко к хрупким девичьим плечам. При виде Михася Лурь поднялся, шагнул ему навстречу, протянул эту самую руку:

– Здорово, дружинник!

– Здорово, боец, – деланно-безразлично ответил Михась и нехотя ответил на рукопожатие гостя.

– Здравствуй, братик! – чуть жеманясь, певучим красивым голосом произнесла Катька.

Катька была настоящей русской красавицей. Глазищи у нее были, как и у брата, голубыми, только огромными. Светлые волосы заплетены в длинную косу. Фигурка стройная и изящная. Стройность и изящество подчеркивались очень тонкой талией. А так телосложение у нее было довольно крепкое, и в этом она тоже пошла в брата. Катькину красоту во всем Стане не замечал один лишь Михась, все еще считавший ее сопливой девчонкой, за воспитание и будущее которой он несет ответственность перед покойными родителями. Сестра не доставляла ему много хлопот, но в ней чувствовался какой-то внутренний огонь, ей была присуща природная живость воображения и врожденный артистизм. Катька легко перенимала языки и манеры у иностранных дам, привезенных в качестве жен в Лесной Стан из заморщины доблестными русскими витязями. Ее хоть сейчас можно было отправлять к любому европейскому двору, где она, скорее всего, продвинулась бы весьма далеко. А если учесть успешно освоенные

ею специальные воинские навыки: Хорошо, что Катька жила пока в своем дворе, где и сидела сейчас под яблоней.

– Мишенька, Лурь сказал мне, что ты в скачках среди дружинников нашей тысячи пришел шестым, опять с луком не заладилось!

Катька, естественно, дома звала брата по имени, а не по боевому прозвищу, имевшемуся у каждого дружинника. Боевое прозвище должно было быть коротким и отчетливым, и каждый получал его еще в малышовом отряде. Ну а Лурь ей родственником не был, поэтому она обращалась к нему официально.

– Ты не расстраивайся, завтра наверстаешь, завтра все виды состязаний твои! Обязательно попадешь с Разиком и Желтком в первую тройку, – продолжила девушка.

– Да не лежит у меня душа к этому луку! – в отчаянии воскликнул Михась. – Вот из огнестрельного же снаряда я никогда промаху не даю. Но ведь с коня из пищали невозможно стрелять.

– Есть в Европе так называемые пистолы – короткие пищали для стрельбы с одной руки, – солидно и авторитетно заявил Лурь.

Он, как и все бойцы особой сотни, знал много интересной информации, которая пока не достигла широких слоев обычных дружинников. Отчасти поэтому он и вызывал у Михася внутреннее, тщательно скрываемое раздражение. Возможно, Михась ему просто немного завидовал.

– В принципе, из пистолетов этих можно стрелять и с коня, но в реальном бою неудобно: надо кресалом фитиль запалить, и конем управлять, и саблю из ножен вынуть, а ветер на скаку фитиль опять-таки задуть норовит. В общем, сплошная возня и бестолковщина. Вот если бы придумать, как порох на полке без фитиля поджигать:

– Как это: без фитиля? – удивился Михась. Громоздкая пищаль с фитильным замком была его любимым стрелковым оружием и казалась верхом совершенства, но предназначалась она, естественно, исключительно для пешего боя.

Лурь сделал загадочное и таинственное лицо и молча развел руками: дескать, не время и не место, чтобы такие вещи обсуждать. Хотя, возможно, он и сам толком ничего не знал, а лишь слышал что-то такое краем уха, а сейчас напускал на себя важность, попросту выпендриваясь перед девушкой. Во всяком случае, Михась именно так и подумал.

– Ладно тебе тут важничать, – пробурчал дружинник. – Говори лучше, зачем ко мне пришел?

– Да я вовсе и не к тебе, – спокойно ответил Лурь. – Я к Катерине.

На Михася вдруг накатила жаркая волна гнева. Он, готовясь к предстоящим испытаниям, жил вместе с отрядом в казармах, почти месяц не был дома, а тут пришел – и на тебе! К Катьке, оказывается, навевается ухажер! Да еще скачку чуть не провалил, и Лурь этот уже раззвонил сестренке о неудаче! Михась, едва сдерживаясь, ядовито-почтительным тоном осведомился:

– А не кажется ли тебе, сударь, что приличия маломальские требуют разрешения спросить вначале у хозяина и брата старшего, чтобы к девушке в его отсутствие навеваться?

– Я думаю, Михась, что: – вполне миролюбиво и вежливо начал было Лурь, но Михась не дал ему закончить:

– А вот выйди-ка со двора да там и подумай на досуге!

Лурь явно не ожидал такого поворота событий. Он слегка замешкался с ответом, а тут, как на грех, встряла Катька:

– Михась, ну прекрати, я уже, между прочим, не маленькая! – сказала она увещательным тоном, как говорят с раскапризничавшимся ребенком. И этим только подлила масла в огонь.

– Я вот тебе сейчас надаю по заднице, увидишь, какая ты взрослая! А ну, брысь в дом! Да давай собери на стол, а то скоро гости дорогие – Разик с Желтком придут! – Михась под-

черкнуто произнес «гости дорогие», глядя прямо в глаза Лурю, утверждая тем самым, что тот – не гость и тем более не дорогой.

Луря его слова явно задели. Михась не очень понял почему. Искренне считая свою сестру маленькой девчонкой, Михась не замечал, что за ней давно уже пытаются ухаживать отдельные личности, в число которых входит и его ближайший друг Разик. Ну а Лурь, как один из претендентов на Катькину благосклонность, естественно, был осведомлен о сем обстоятельстве и видел в Разике опасного соперника. Для него было очевидным, что ближайший друг любимого старшего брата имеет больше шансов на внимание красавицы, и Лурь воспринял все речи Михасы как желание расчистить место сопернику. Ему и в голову не могло прийти, что Михась не знает о чувствах Разика к сестре. На миг вся выдержка, выработанная годами упорной подготовки, оставила бойца особой сотни, и он, ослепленный обидой, с горечью глядя вслед послушно уходящей в дом девушке, сказал то, о чем не должен был говорить:

– Напрасно ты так, Михась! Не следовало бы тебе выше всех себя мнить. А то ведь, не ровен час, доведется встретиться нам в поединке на испытаниях твоих нынешних!

– Да ты никак напугать меня хочешь, боец? Так я испытаний-то не боюсь, а, напротив, жду с нетерпением! – жестко и гордо ответил Михась и затем чуть удивленно и одновременно слегка презрительно спросил: – Только вот я не припомню, чтобы бойцов особой сотни на итоговых испытаниях на поединок с нами, простыми дружинниками, выставляли. Обычно против нас строевые бойцы из Южной тысячи выходят, а наши с ихними испытуемыми бьются. Али сам напросишься, чтобы меня наказать да спор наш давний решить окончательно?

Лурь и Михась уже встречались два раза на состязаниях в рукопашном поединке. Состязания во всех видах военного искусства проводились в Лесном Стане практически непрерывно. Внутри каждой сотни между собой соревновались десятки, внутри тысячи проходило первенство сотен. Самыми напряженными, естественно, было соперничество между Северной и Южной тысячами. Особая сотня выставляла на некоторые заключительные этапы свой состав, идущий как бы вне зачета. Однако на особников (так кратко называли в Стане бойцов особой сотни) обычно дружно ополчались и северные, и южные, почитая своим долгом утереть нос этим важничавшим личностям, гордящимся своей таинственностью. Случалось, что и утирали, хотя далеко не всегда.

Рукопашный бой без оружия, в том числе и с несколькими вооруженными противниками, всегда являлся одним из приоритетов в подготовке бойцов тайной лесной дружины. Еще триста лет тому назад, при отце-основателе Савве Кондратьевиче, путешествующие во все концы света монахи-паломники из лесного монастыря, бывшие совершенно равноправными и равнозначными бойцами дружины, начали собирать крупницы военного искусства Запада и Востока, в том числе искусство рукопашного боя. Все эти сведения и навыки сливались воедино, анализировались и совершенствовались. В результате сложилась система рукопашного боя, наиболее оптимальная для решаемых задач. Ее основой были захваты, заломы, подсечки, болевые и удушающие приемы, то есть такие, которые можно эффективно провести в общей свалке на ограниченном пространстве, когда в поле строй идет на строй, или на стенах крепости, где тоже особо не развернешься. Ударной технике отводилась лишь вспомогательная роль: перед проведением заломы или захвата противнику наносились ослабляющие или отвлекающие удары. Да и особого смысла лупить кулаком по голове, одетой в железный шлем, или по животу, защищенному латами, конечно же, не было. Оружие могло выпасть, или быть выбитым из рук, или стать бесполезным в тесноте рукопашного боя, а вот латы и кольчуги оставались на их владельцах до самого конца схватки. Надо сказать, что в особой сотне бойцов тщательно учили и особой ударной технике, позволяющей эффективно обездвигать, искалечить или убить противника голыми руками. Но подготовка эта предназначалась, конечно же, не для открытого полевого боя в доспехах, а для действий в особых «мирных» условиях.

Однако для общего развития и просто по традиции уметь и знать в военном деле почти все сохранялись в нешироком кругу любителей экзотические виды рукопашных искусств. Давным-давно, когда русские князья вынуждены были ездить на поклон в Орду, стоявшую на берегах далекой, почти сказочной реки Амур, сопровождавшие их «паломники» проникли в монастыри захваченного ордынцами Китая и привезли в Лесной Стан удивительную систему боя без оружия, состоявшую из танцевальных движений, порой весьма неожиданных и непредсказуемых для неподготовленного противника. Сложные эти движения, требовавшие особой подготовки, были малоэффективны в реальном бою грудь в грудь. Однако на больших площадках, где можно прыгать и крутиться в любом направлении, свободно дрыгать ногами и руками, китайские приемы были вполне приемлемы и смотрелись очень эффектно.

Михась еще в детском возрасте увлекся этой китайской техникой, поразившей его воображение. Он, разинув рот, смотрел, как, взлетая в высоком красивом прыжке, наставник бил с разворота пяткой в лоб не ожидавшему ничего подобного противнику. Конечно, когда Михась подрос, он быстро понял, что по верхнему уровню, то бишь по лицу, проще и эффективнее работать руками, а ногу не надо задирать выше головы, ей лучше, например, разбить коленную чашечку. Но сама система танцевальных движений, требующая хорошей растяжки и координации, ему понравилась, и он занимался ею в качестве гимнастики. Кроме того, на хорошей ровной площадке, где нет риска поскользнуться и шлепнуться во время сложного пируэта, при схватке с не знающим финтов Михасы противником можно было иногда и применить какой-нибудь умопомрачительный китайский прием.

Первый раз Лурь вышел против Михасы год назад на заключительном этапе состязаний по рукопашному бою между сборными десятками Южной и Северной тысяч (плюс особники, шедшие, как всегда, вне зачета). Лурь, только что вернувшийся из заморщины, с удивлением посмотрел на вышедшего против него по жребию незнакомого дружинника, непонятно как попавшего в сборную. Особник с чувством заведомого превосходства атаковал юнца и тут же за это поплатился. Мальчишка явным, а стало быть, обманным движением принялся обозначать удар слева, причем, на взгляд Луря, он делал это весьма неуклюже. Лурь, бывший, как и все особники, опытейшим бойцом, за ту короткую долю мгновения, за которую происходила вся схватка, растягивающаяся в его мозгу на длинный замедленный отрезок времени, успел про себя усмехнуться, чуть отклонился назад и, когда рука противника прошла, как и следовало, мимо его лица, приготовился встретить настоящий удар справа соответствующим блоком, а затем провести контрприем и завалить мальчика как сноп соломы. Но его блок оказался выставленным в пустоту. Мальчишка, вместо того чтобы нанести ожидаемый удар на контрподкрутке справа, продолжил всем корпусом левый пируэт, с диким выкриком взвился в воздух, крутанулся волчком и пяткой левой ноги достал Луря слева в голову. Лурь упал как подкошенный, в уплывающем сознании проклиная себя за самонадеянность, вследствие которой он попался на в общем-то детский прием, от которого при элементарной внимательности и осмотрительности ничего не стоило уйти с последующей эффективной атакой.

Второй раз они встретились полгода назад. Лурь теперь знал, с кем имеет дело. Михась больше не мог рассчитывать на фактор неожиданности и понимал, что должен противопоставить более опытному и сильному противнику нечто иное. Тогда он пошел на хитрость. После сигнала о начале схватки Михась якобы попытался провести тот же прием – удар ногой в голову в прыжке с пируэтом, которым он повалил Луря в прошлом бою. Уйти от этого замысловатого и трудного для исполнения приема, если, конечно, его ожидать, достаточно просто: нужно чуть разорвать дистанцию, отступив назад, и тогда можно брать промахнувшегося, вынужденного заканчивать прыжок и сохранять равновесие противника голыми руками. Михась это прекрасно понимал и, выполняя удар, готовился после прыжка присесть на землю и тут же, не распрямляясь, пройти в ноги разорвавшему дистанцию противнику. Лурь же не отошел назад,

уклоняясь от удара, а, напротив, шагнул навстречу вращающемуся в воздухе в безопорном положении противнику и поймал его в мертвый болевой захват.

То есть к настоящему моменту счет по схваткам был равный, и Лурю с Михасем для выяснения отношений предстояло встретиться в третий раз. Заключительным этапом итоговых испытаний дружинников был двухсотверстный ускоренный пеший переход отдельными боевыми тройками по лесисто-болотистой местности. На трассе перехода оборудовались в неожиданных местах несколько рубежей для стрельбы, имитирующие засады, а также рубежи для сабельного и рукопашного боя. Рукопашный бой был обычно самым тяжелым испытанием. Против испытуемых выставлялись опытные строевые дружинники из Южной тысячи. Очевидно, что свежие бойцы имели неоспоримое преимущество перед измотанными, уставшими от непрерывного напряжения и отсутствия сна испытуемыми. Поэтому задача победить в рукопашной перед участниками перехода даже не ставилась. Им следовало просто достойно продержаться несколько минут против подставы, не дать себя «убить» или «искалечить». Опытные строевые бойцы хорошо чувствовали ту грань в учебном бою на рубеже, за которую нельзя переходить. Они должны были оценить, насколько умело и самоотверженно в данных невыгодных для себя условиях бьются испытуемые. От этой оценки, как правило честной и беспристрастной, зачастую зависел итог всего перехода и окончательное суждение о приеме испытуемых в строй. Михась не слышал, чтобы на рукопашный рубеж хотя бы раз выставляли особников, которые, во-первых, весьма отличались от обычных дружинников манерой рукопашного боя, имевшего свою специфику, во-вторых, не имели достаточного опыта по проведению учебного боя на рубеже, поскольку их подготовка и испытание проводились отдельно от всех.

И если Лурь не врал, а врать друг другу в Лесном Стане было, мягко говоря, не принято, то судьба Михася со товарищи (Михась не сомневался, что они с Желтком и Разиком все-таки войдут в одну, причем первую, боевую тройку) практически целиком находится в его руках. Дважды встретившись с Лурем в рукопашной, Михась понимал, что одолеть его на рубеже он не сможет. Но благородную и честную душу Михася глубоко возмутил пусть не прозвучавший вслух, но все же угадываемый намек, что будь Михась с Лурем повежливее, то:

Михась, привыкший думать о своих товарищах по оружию только хорошее, оборвал эти рассуждения и, взглянув прямо в глаза Лурю, сказал как можно более спокойным и нейтральным голосом:

– Уходи.

Лурь, поколебавшись мгновение, молча повернулся и зашагал прочь. Михась не стал его провожать, закрывать за ним калитку, а, также резко повернувшись, пошел в избу.

Михась, Разик и Желток сидели за столом в просторной и уютной горнице. Катька, хлопотавшая по хозяйству, время от времени подсаживалась к ним, затем снова вскакивала и то подкладывала в тарелки каши, томившейся в горшке на печи, то доливала медового взвару с травами и кореньями, то нарезала каравай. Разик наблюдал за ней влюбленными глазами, рассеянно и невпопад отвечая на обращения к нему Желтка и Михася, которые вели между собой серьезный разговор.

Разик отличался большой искусностью в военном деле, как и оба его товарища, причем и в практике, и в теории. Он также был весьма усерден в учебе, которая давалась ему, как казалось, довольно легко. Однако главной особенностью его характера был сугубый рационализм. В отличие от Михася, который высшей наградой полагал выполнение священного воинского долга, истово верил в незыблемость и высший смысл воинских уставов и прочих законов и правил, Разик, не менее тщательно соблюдавший воинскую дисциплину, считал, что следование законам и уставам – не цель жизни, а средство эту самую жизнь устроить. То есть человек, который самоотверженно и искусно исполняет воинский долг, должен получать за это заслуженную награду, а именно уважение и даже преклонение окружающих, почет и возмож-

ность продвижения по службе, право командовать людьми. Разик был бы в их троице главным, так как у него были все задатки хорошего, даже очень хорошего командира, но открытый, с душой нараспашку, вечно брызжащий энергией и эмоциями Михась часто отодвигал его на второй план. Разик же никогда не делал лишних движений. Например, он не стал вместе с Михасем упражняться в «танцевальной» китайской борьбе, справедливо полагая, что, в совершенстве овладев основным курсом рукопашного боя, он и так получит преимущество практически перед любым противником вне тайного Лесного Стана. Вместе с тем Разик, как и его приятели, был склонен к остроумным проделкам и хорошим шуткам, но и проделки, и шутки, по мнению Разика, важны были не сами по себе, а как способ достойно зарекомендовать себя в глазах окружающих, ибо в напряженных воинских буднях люди, способные вызвать хорошую разрядку добрым смехом, всегда ценились и будут цениться весьма высоко.

Однако в настоящий момент Разик слегка отступил от своих рациональных позиций, позволив себе влюбиться перед самыми итоговыми испытаниями и вероятным заморским походом. Впрочем, эта любовь, по-юношески робкая и чистая, никак не мешала его подготовке к испытаниям и уж тем более не препятствовала запланированному им дальнейшему служебному росту.

Когда Катька вышла из горницы, чтобы принести из погреба холодного кваску, Разик глубоко вздохнул и наконец-то, словно пробудившись, уловил суть беседы, происходившей между Михасем и Желтком. Она была настолько интересной и актуальной, что из его сознания тут же улетучились все мечтания о прекрасной даме.

– Ну ладно, – продолжал начатый диалог Михась, – ну не выставляли никогда на рубежах особников против дружинников. Но просто предположить-то ты это можешь?

– Да предположить-то я могу что угодно, – упорствовал Желток, склонный к скептицизму даже больше, чем рациональный Разик, не говоря уж о порывистом и мечтательном Михасе. – Ты лучше скажи: сам это придумал, или слух какой прошел? А если придумал, то зачем?

– Погодите-ка, братцы, – включился в беседу Разик. – Ты, Михась, и вправду прознал, что против нас на рукопашных рубежах в двухсотверстном переходе будут особники стоять?

– Спал, что ли? – буркнул Разику Михась. – Ничего я не прознал. Просто предположил. Ведь на переходе любая неожиданность случиться может.

Михась, конечно же, не хотел и не мог, руководствуясь своими завышенными понятиями о долге и чести, рассказывать друзьям о встрече с Лурем и его словах. Если Лурь, нарушив дисциплину, сболтнул лишнего, то Михась не вправе был распространять эту явно секретную информацию, а, напротив, должен был перекрыть утечку. Если же это была сознательная попытка взять Михася и его друзей на испуг (Михась не исключал, что это могла быть специально устроенная проверка, входившая составной частью в итоговые испытания, так как дружинников часто различными методами проверяли на психологическую устойчивость и умение держать язык за зубами), то тем более не стоило поддаваться на провокацию и волновать друзей перед и без того трудными испытаниями.

– Ну, тогда уж ты предположи, что против нас на рубеже выйдет Змей-Горыныч и Кощей Бессмертный, – усмехнулся Желток.

– А также коза и семеро козлят, – подхватил Разик.

Друзья рассмеялись, причем Михась – вместе со всеми.

Вернулась Катька с кувшином кваса, и Разик вновь отвлекся от общей беседы. Девушка присела за стол, подперла щеки ладонями, выжидательно уставилась на ребят.

– Что, Катюха, – первым ответил на ее немой вопрос Желток, избежавший влияния Катькиных чар и относившийся к ней хотя и ласково, как к сестре лучшего друга, но чуть насмешливо и свысока, как к младшей и к тому же девчонке, – интересуешься ходом испытаний?

И он принялся в свойственной друзьям озорной и шутливой манере описывать прошедший трудный день и предстоящие не менее трудные дни завтрашние. Самое примечательное в

этих беззлобных, но часто острых шутках было то, что они касались не только кого-то другого, но и самого Желтка и его дорогих друзей. Именно умение посмеяться над собой и привлекало к этой троице сердца почти всех близко знавших их обитателей Лесного Стана.

За привычной веселой беседой друзья напрочь забыли о только что состоявшемся разговоре про особников. Но они не были бы такими беззаботными, если бы знали, что их троицу действительно ждут необычные по сложности испытания и что их дальнейшая судьба не далее как позавчера обсуждалась на Большом Совете.

Большой Совет тайного Лесного Стана возглавлял, конечно же, сам воевода. Но все заседания Совета проходили в монастыре, в палатах игумена, который замещал воеводу, когда тот выводил всю дружину в поход. Кроме воеводы и игумена, в состав Совета входили тысяцкие Северной и Южной тысяч, начальник особой сотни, начальник оружейного производства, начальник производства снаряжения, начальник тылового обеспечения, ведавший крестьянским хозяйством, а также посольский дьяк, ведавший внешними сношениями, в том числе заморской торговлей. Все эти люди и управляли сложной жизнью закрытого от посторонних глаз необычного города, притаившегося в дремучей чащобе северных поморских лесов.

За два дня до описываемых нами событий основной темой заседания Совета были предстоящие итоговые испытания, после которых около полусотни молодых дружинников должны были перейти в ранг строевых бойцов и получить почетное наименование леших. Военские начальники и игумен, так или иначе, знали почти каждого бойца, их сильные и слабые стороны, основные особенности характера и способности. Конечно же, речь зашла и об известной троице. Тысяцкий Северной тысячи, делая свой доклад, выразил уверенность, что Михась, Разик и Желток по общим итогам всех испытательных состязаний непременно попадут в десятку лучших, отправляемых в заморские страны для приобретения там дополнительного боевого опыта.

После этих слов тысяцкого игумен жестом попросил его прервать свою речь и, с согласия воеводы, предоставил слово начальнику особой сотни, дьякону Кириллу. Кирилл в молодости сам был лихим особником, затем, после каких-то событий, суть которых была известна лишь весьма узкому кругу лиц, удалился в монастырь и принял духовный сан. Лишь по прошествии некоторого времени он, к тому времени уже ставший дьяконом, вновь обратился, по настоянию игумена, к служебным делам тайной дружины и возглавил особую сотню. Лесной монастырь был неотделимой частью, более того – сердцем и душой воинского Лесного Стана, и неудивительно, что монахи и послушники принимали непосредственное участие в воспитании и подготовке дружинников. Да и во всей Руси священнослужители часто по суровой необходимости сами брали в руки оружие. Монастыри в ту пору были еще и боевыми крепостями.

Кирилл сказал, что он не сомневается в блестящих способностях, даже таланте трех молодых дружинников, известных всему Лесному Стану не только успехами в воинской подготовке, но и многочисленными веселыми выходками и остроумными проделками. Однако юные дружинники настолько привыкли быть всегда и во всем первыми, что это может сослужить им дурную службу в заморских странах, где они столкнутся совсем с другой реальностью. К тому же действовать они там будут не вместе, как привыкли с детства, а в одиночку. Кирилл подчеркнул, что переход из юношей, которым неизбежно делается скидка на возраст, во взрослые дружинники, где никаких скидок уже нет, является весьма нелегким переломным этапом. Он напомнил присутствующим, что некоторые юноши, достигшие блестящих успехов и привыкшие первенствовать во всем среди сверстников, часто ломались духовно, попав во взрослую среду, где первенство нужно было завоевывать вновь упорным и тяжелым трудом. И, напротив, те из юношей, которые, казалось, ничем не выделялись, при переходе в ранг взрослых строевых бойцов постепенно становились выдающимися воинами. Слишком ранние и легкие успехи опасны. А для воинов они опасны смертельно, заключил Кирилл. Он предположил, что если

бы Михась, Разик и Желток, никогда не знавшие неудач и не терпевшие крупных поражений, оступились бы на заключительном этапе, то это пошло бы им на пользу в становлении характера, укреплении духа, приобретении необходимой осмотрительности и мудрости. Иначе они рискуют погибнуть в заморских странах, куда явятся с высоко поднятой головой или, лучше сказать, с задранным носом, преисполненные веры в свою исключительность и непобедимость. А через год юноши, несомненно, блестяще пройдут повторные испытания и, умудренные жизнью, познавшие горечь неудач, а потому осмотрительные и повзрослевшие, отправятся в эту самую заморщину с несравненно более высокими шансами вернуться живыми и невредимыми, с ценными сведениями и опытом.

После того как дьякон Кирилл закончил свою речь, повисла довольно долгая пауза. Первым ее нарушил тысяцкий северных:

– Так ты что же, дьякон, моих лучших дружинников предлагаешь засудить на испытаниях, что ли? Сами ведь они не проиграют! И какой же после этого у них будет моральный дух? Ребята ведь не маленькие, поймут, что с ними поступили нечестно!

– Конечно же, я не предлагаю, чтобы судьи да наблюдатели их придержали без всяких на то оснований. Я предлагаю выставить против них на рукопашном рубеже в переходе двухсот-верстном моих особников, чтобы они в честной схватке молодцов одолели.

Опять на некоторое время в совещательной палате игумена наступила тишина. Воинские начальники да и остальные члены Совета были хорошо знакомы с правилами и условиями заключительных испытаний и понимали, что при сопротивлении в рукопашной схватке в полную силу во время тяжелейшего перехода все преимущества будут на стороне подставы, в которую входят свежие, отдохнувшие бойцы. Испытуемые могут лишь достойно продержаться против них положенное время и, по решению судей, продолжить свой труднейший переход. И ни у одного строевого бойца, вошедшего в подставу, не поднимется рука намеренно валить испытуемых, то есть бить их так, что они физически не смогут встать в течение отведенного правилами времени и двигаться дальше. Ну а особники, которых специально готовят для выполнения любых, самых невероятных заданий, в том числе к действиям против своих, те неукоснительно выполняют приказ начальства и не моргнув глазом завалят кого угодно, хоть самого архангела Гавриила.

– Ну а если все же мои ребята пройдут рубеж, разбросают твоих особников? – с вызовом в голосе обратился тысяцкий к Кириллу.

– Тогда пусть идут дальше, если смогут, – спокойно ответил дьякон. – В этом случае я буду готов признать, что ошибся и они действительно готовы к любым испытаниям. Только, чур, не предупреждать их о сюрпризе! Раз уж по-честному, то уж по-честному: согласно букве правил, испытуемый должен быть готов к любым неожиданностям и препятствиям.

– На том и порешим, – прерывая возможные дальнейшие дискуссии насчет честности и правил, безапелляционным тоном заключил воевода.

Игумен кивнул согласно, остальные члены Совета, конечно же, возражать не стали. Лишь тысяцкий Северной тысячи демонстративно отвернулся от Кирилла, давая понять, что недоволен таким решением. Умом он понимал, что дьякон, скорее всего, прав и заботится исключительно о благе самих же ребят. Но сердце старого вояки было на стороне любимейших его дружинников, и, понимая, как тяжело будут они переживать неизбежную неудачу, тысяцкий некоторое время, не слушая, что дальше говорится на Совете, лишь огорченно качал головой и теребил усы, пока игумен не сделал ему замечание подчеркнуто ласковым и успокаивающим тоном.

Михась полз по мягкому влажному мху. Его одежда давно промокла насквозь, хриплое, kloкочущее дыхание вырывалось из груди, глаза время от времени застилала мутная пелена, в ушах звенело. Сквозь этот звон едва прорывались звуки дремучего векового леса: шум ветра в

кронах высоченных сосен, скрип их раскачивающихся стволов, тревожный свист вспугнутых пичуг. Больше всего ему хотелось распластаться на этой податливой лесной подстилке, закрыть глаза, замереть, но он, сжав зубы, продолжал свое медленное движение. Линь, привязанный к плечевым и поясному ремням, называемым по-иноземному портупеей, на котором Михась тащил неподъемный груз, врезался в мышцы спины и ног как стальной раскаленный прут.

«Подохну я так», – с полным безразличием, будто речь шла о ком-то совершенно постороннем, подумал Михась.

«Ну что ж, мертвые сраму не имут», – услужливо подсказало угасающее сознание.

«Но живые не сдаются!» – неожиданно придумал он продолжение старинной поговорки русских витязей.

Михась перевернулся на спину, раскинул руки, постарался успокоить дыхание, расслабиться. Сквозь ветви сосен едва проглядывало хмурое северное небо, затянутое свинцовыми облаками. Михась с трудом приподнял голову, взглянул туда, где на наспех сделанной волокуше, привязанной линем к его портупее, лежали Разик и Желток. Желток встретил его взгляд, попытался улыбнуться. Улыбка у него получилась жалкой и виноватой. Разик вообще безучастно смотрел в пространство. Казалось, происходящее вокруг его не интересовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.